

Вагнер на пиво

Независимая газ. — 1993. — 6 мая. — С. 7.

В ОДИН из этих вечеров мне вспомнилось, как десятка полтора лет назад известный политический обозреватель, рассказывая широкой аудитории о французской песне, уверял нас, что знаменитый шансонье Жорж Брассанс особенно хорошо слушается с белым вином, а вот «ведет дю синема» Шарль Азнавур — тот лучше идет с коньячком...

Начну, как принято, за здоровье. Неплохо, когда режиссер — тем более молодая и красивая женщина (Ирина Гаврилина); — страха не ведая, обращается к архисложной драматургии — «Стульям»/Ионеско и «Пейзажу» Пинтера. Приятно, когда спектакль идет под хорошую музыку — звучат Чайковский, Вагнер, Г. Малер, названный почему-то в программке Г. Милером, — о, эта незабвенная «Серенада солнечной долины»! И маг, и чародей итальянского кино Нино Рота вовсе не портит им компанию. Хорошо, когда полностью отдаются представлению актеры (Олег Пакаев, Григорий Тимошин, Елена Заикина, Татьяна Забелина: дамы представлены в афише как «очаровательные»; а это, по-моему, звучит куда соблазнительнее, чем «народные»!). И уж совсем здорово, когда: первые ряды публики забыты исключительно мужчинами с фотоаппаратами и биноклями, взыскующими его величества Зрелища.

Однако уже через 10—15 минут проникаешься жалостью: бедные мэтры абсурдизма, стопочтенные Эжен Ионеско и Гарольд Пинтер! Ведь с таким же успехом актеры могли проносить реплики, скажем, из «Краткого курса истории ВКП(б)» или «Справочника по акушерству и гинекологии». У Гаврилиной наверняка есть на это ответ получше, чем «я так вижу». Ибо, согласно теории, понятие «абсурд» включает в себя то, что не находит рационального объяснения; он лишен всякого смысла и логической связи с текстом или сценическим воплощением. Следовательно, как, очевидно, считает Гаврилина, текст пьесы может существовать сам по себе, а мизансцена — сама по себе. Текст вторичен, и — вместе с музыкой — пусть он нам аккомпанирует.

В «Стульях» — бесспорно, лучшим из двух спектаклей — занавес открывается, и зритель видит висящих на качелях вверх ногами отнюдь не старых Старика и Старуху. Звучит Нино Рота, и понимаешь, что Гаврилина, как и все мы, любит Фелини, его «Клоунов» и т.д. Стула на сцене, конечно, ни одного нет — но ведь абсурд же! Перед публикой разыгрывается, говоря по-итальянски, типичное «клядзи», то есть паясничанье, гримасы, бурлеск и гротески, — это подчеркивают и костюмы героев: похожий на пеликана, с

длинными крыльями-руками босой «старик» и «старуха» — маленькая смешная кукла-клоушеска, тоже босая. Не стану перечислять все придуманные Гаврилиной и явно противоречащие дискурсу «гэги» — их много, они разнообразны и вполне в духе представлений А. Демидова, которому спектакль и посвящен.

Но в театре А. Демидова непременно должен быть «десерт», ради которого все эти аппараты и бинокли приносятся (вспомним хотя бы демидовскую «Девушку», где под битловскую мелодию «Hey, Jude» супруга покойного режиссера Анна Быстрова буквально «плыла и расплывалась в акте»). В «Стульях» Гаврилина не обманывает ожиданий своих поклонников: в финале Старуха догола раздевает Старика, обмывает его, затем раздевается сама, после чего персонажи, накинув саван со свечами на голове (изыск!), уходят наверх — очевидно, в рай. Фарс довольно органично переходит в трагедию — трагедию человеческого существования, оканчивающегося смертью. Правда, Ионеско писал немного о другом, но пьеса-то абсурдная!

А вот любителей клубнички, пришедших во второй премьерный спектакль «Пейзаж» (кстати, жанр его также определен как пейзаж — и это, вероятно, тоже изыск), Гаврилина

очевидно, сильно разочаровывает. Ведь смотреть-то (в определенном смысле, конечно) буквально не на что. Напряженное ожидание — и артист Пакаев, играющий, кстати говоря, женскую роль (вернее, произносящий реплики Бет), раздевается до трусов телесного цвета — но и только. А актрисы — обе они играют отсутствующий у Пинтера персонаж по имени Молчание — вообще почти ничего «не показывают». Текст пьесы снова вторичен, он заглушается не только трубами Вагнера, но и стонами вклинивающейся в композицию маститых Патрисии Касас. И все же одна реплика персонажа (зато какая: «С пивом все в порядке!») сквозь музыку Вагнера все же прорывается. В том, что Пинтер героям и режиссеру до высокой лампочки — до юпитера, — убеждают нас сами персонажи, лихо, словно мячиком, перебрасывающиеся текстом пьесы.

А вот с пивом в театре А. Демидова действительно, кажется, все в порядке. Много лет хожу в храм Мельпомены, но такое видел впервые: под скупые мужские аплодисменты вместо цветов исполнителю главной роли — да, прямо на авансцену — вынесли... пакет с пивом. Ну что ж, все очень органично, все, как говорится, комьяффо. Чтобы мы ненароком вдруг не забыли, что Вагнер на пиво — это и в самом деле диво!

Виктор ДЕНИСОВ

Все сква
Зрелищнейший
песенник А. Демидова